

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ
ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

**Али Акбар Хронист
Курдистани**

**САД
ЦАРСТВА
НАСИРА**

Перевод с персидского,
предисловие, примечания и указатели
Е.И. Васильевой

Нестор-История
Санкт-Петербург
2012

УДК 811.22

ББК 81.2

A50

A50 Али Акбар Хронист Курдистани

Сад царства Насира / пер. с персидского, предисловие, примечания и указатели Е. И. Васильевой. — СПб. : Нестор-История, 2012. — 356 с.

ISBN 978-5-905986-76-5

Работа Е. И. Васильевой на ниве курдоведения изначально строилась на поисках и изучении сочинений курдских хронистов и была нацелена на первоисточники. Дать возможность источнику заговорить, услышать голос эпохи — этой задаче были подчинены все разработки. Пока молчат источники, история обречена на забвение.

УДК 811.22

ББК 81.2

ISBN 978-5-905986-76-5

9 785905 986765

© Е. И. Васильева, 2012

© Издательство «Нестор-История»,
оформление, 2012

Корректор Е. С. Васильева
Оригинал-макет Н. Г. Философов
Дизайн обложки С. В. Кассина

Подписано в печать 15.08.12. Формат 60×90^{1/8}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,25
Тираж 250 экз. Заказ № 2461

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21. Тел. (812)622-01-23

«Дабы не осталась под покровом тайны и неизвестности история высокодостойных родов Курдистана».

Шараф-хан Бидлиси

ВВЕДЕНИЕ

В Отделе рукописей и документов Института восточных рукописей (ИВР) РАН хранится манускрипт сочинения курдского историко-географа — *Хадике-йи Насирийе* Мирзы 'Али-Акбара Курдистани. Сочинение написано в Иранском Курдистане на персидском языке и завершено в 1309/1891–1892 г., манускрипт датирован 1917 г.

Книга Мирзы 'Али-Акбара Курдистани представляет собою историко-географическое описание Юго-Восточного Курдистана. Экскурс в историческое прошлое охватывает восемь столетий — с XII по XIX. В центре авторского внимания находится правление курдского княжеского дома Бани Арделан, которое закончилось в 1867/1868 г.

В Отдел рукописей и документов ИВР РАН манускрипт поступил вместе с книгами и материалами В. Ф. Минорского (1877–1966), направленными по его завещанию в дар Институту после его кончины. Согласно помете, сделанной рукой В. Ф. Минорского, рукопись была выполнена по его личному заказу на основе списка, «добытого Хешметуль Молком Курдестани». По его предположению, рукопись-протограф списка «некий айсор» передал В. П. Никитину, и в 1922 г. на страницах журнала «Revue du Monde Musulman» (vol. 49) В. П. Никитин опубликовал резюме рукописи с кратким пересказом истории правления дома Бани Арделан. Однако первым *Хадике-йи Насирийе* в качестве исторического источника использовал Ф. Чернозубов в очерке «Страна Льва и Солнца. Арделян, или Персидский Курдистан. (Краткий географический очерк по персидским и армянским источникам)» (Чернозубов, с. 1–57).

Полвека спустя рукописью *Хадике-йи Насирийе* заинтересовался Ю. Е. Борщевский (1924–1984). Он участвовал в приеме книг и рукописей В. Ф. Минорского, направленных в дар Институту после

Введение

его кончины, и сразу заявил о необходимости публикации текста *Хадике-йи Насирийе* и его перевода. Более всего его заинтересовала географическая часть, и он собирался ее перевести и описать самостоятельно. Работа над исторической частью рукописи была предложена автору этих строк. Благодаря усилиям Ю. Е. Борщевского получили фотокопию рукописи *Хадике-йи Насирийе* из Берлина (Heinz, s. 153), и работа над составлением сводного текста по двум рукописям началась.

Манускрипт В. Ф. Минорского выполнен грамотно, хорошим, ясным почерком. Общение с ним не составило больших трудностей, и сводный текст исторической части сочинения, по Санкт-Петербургской и Берлинской рукописям, был составлен. К сожалению, работа Ю. Е. Борщевского над географической частью не состоялась по причине его большой загруженности, а затем болезни и скорой смерти.

Позднее отпала необходимость и в публикации текста *Хадике-йи Насирийе* по Санкт-Петербургскому и Берлинскому спискам. В 1381 х. с./2003 г. в Тегеране было осуществлено издание книги Мирзы 'Али-Акбара Курдистани, подготовленное иранским ученым Мухаммадом Ра'уфом Тавакколи. В основу издания положена рукопись-автограф.

Во время своих изысканий Мухаммад Ра'уф Тавакколи обнаружил две рукописи-автографа. Одна находилась в библиотеке Милли-Мулк Тегерана под номером 6184. Текст в ней написан на европейской бумаге почерком насталик и содержит 298 страниц, которым предшествует оглавление на 10 страницах. Размер страниц 21×13, число строк на странице — 15. Заканчивается рукопись словами: «Надеюсь; эта [книга] бедняка будет одобрена обладателями знания... Закончена в месяце раджабе 1309 г. х./феврале 1892 года».^а

Другая рукопись принадлежала Национальной библиотеке Тегерана за № 625 (Тегеран-Милли в книге Ч. А. Стори: Стори, с. 77). Как и первая рукопись, манускрипт был написан на европейской бумаге почерком насталик, рукой автора. Рукопись насчитывала 161 лист, размер листа 21×14, на странице — 15 строк; начало общее с манускриптом библиотеки Милли-Мулк; концовки отличаются. Рукопись Тегеран-Милли заканчивается фразой: «Если удачи мне еще на несколько лет спастись от когтей смертного часа, я добавлю, если того захочет всевышний Господь, к этому «*Хадике*» [описание] грядущих событий...» (См. перевод, с. 241–242).

^а Тавакколи, с. 10.

Манускрипт Тегеран-Милли, как и рукопись В. Ф. Минорского, содержал дополнительную главу, называвшуюся «Приложения». Начинаясь глава 9 «Приложения» такими словами: «В конце этой книги ради умножения осведомленности читателей приводится перечень уважаемых семейств и родов, которые проживали и проживают в городе Сенендедже, и кратко поясняется положение некоторых их представителей, дабы это послужило для потомков напоминанием».

Обе рукописи-автографы были написаны автором в 1309/1891–1892 г. В качестве основы для издания Мухаммад Ра'уф Тавакколи выбрал манускрипт Тегеран-Милли, и решающим аргументом в пользу этого манускрипта послужило наличие в рукописи главы 9 с приложениями. Других существенных различий в двух списках обнаружено не было.^а

Книга была подарена Насир ад-дин-шаху. Она шаху и посвящалась, в его честь была названа и содержала в авторском введении пышную посвятельную преамбулу. Однако издание Мухаммада Ра'уфа Тавакколи, кроме *Хадике-йи Насирийе*, содержит в своем составе текст еще одного исторического сочинения Мирзы 'Али-Акбара, написанного им после окончания работы над *Хадике-йи Насирийе*. Заканчивая хронику, автор выражал надежду и желание в случае, если на несколько лет обретет «спасение от когтей смертного часа», описать последующие события в Курдистане. Так и произошло. В месяце мухарраме 1315/июне 1897 года, через пять лет после завершения работы над *Хадике-йи Насирийе*, он закончил описание последующих событий — до 1897 года включительно и назвал его *Мир'ат аз-Зафар (Зерцало победы)*. Новая книга посвящалась Музаффар ад-дин-шаху, преемнику Насир ад-дин-шаха. Рукопись сочинения хранится в Тегеране, в библиотеке Сената за № 3427. Заметим, что в конце книги, как и в *Хадике-йи Насирийе*, автор обещает, если будет жив, описать дальнейшие события в Курдистане (Тавакколи, с. 348). На этот раз он свое обещание не сдержал, оказавшись в январе 1899 г. пойманным теми самыми когтями, о которых он писал в 1309 г. х.

Зерцало победы построено иначе, чем *Хадике-йи Насирийе*. В нем нет глав и плана сочинения, текст построен пособытийно. Названия в тексте возникают спонтанно, как то: «Очень холодная зима», «Приезд губернатора в Сенендедж», «Поездка в Курдистан», «В Гяррус» и т. п.

^а См.: Тавакколи, с. 11.

При подготовке издания книги Мухаммад Ра'уф Тавакколи включил в издаваемый текст *Мир'ат аз-Зафар* в качестве продолжения *Хадике-йи Насирийе*. В результате изданная книга состоит из двух частей (*бахшей*). *Бахш* первый содержит текст *Хадике-йи Насирийе*, *бахш* второй — *Мир'ат аз-Зафар*, почти равные по объему, с единой пагинацией и едиными указателями имен собственных и географических названий.

Издание Мухаммада Ра'уфа Тавакколи выполнено тщательно и скрупулезно, с полезными примечаниями и введением. Считаю своим приятным долгом выразить сердечную признательность нашему парижскому другу Абдаллаху Мардуху за любезно высланный им текст тегеранского издания *Хадике-йи Насирийе*.

О других рукописях *Хадике-йи Насирийе* см.: Стори, с. 1105–1106.

АВТОР ХРОНИКИ

Об авторе написано немного, однако и в то небольшое написанное закралась весьма существенная оплошность. Он назван ханом — 'Али-Акбар-ханом Садик ал-Мулком (Стори, с. 1102 и сл.).

На территории Арделанского Курдистана до конца правления княжеского дома Бани Арделан, или до 1867/1868 г., ханский титул составлял монополию этого семейства. С утратой домом княжеского статуса ханское звание перестало быть его монопольным достоянием. На страницах хроники появляются именуемые ханами представители семьи *вакилей*.

Объяснить появление этой оплошности можно по-разному. Автора могли перепутать с его тезкой, 'Али-Акбар-ханом Шараф ал-Мулком, который упоминается в хронике многократно. При всей разнице в социальном положении, они с автором были друзьями и, возможно, ровесниками.

Быть может, поименование автора ханом связано с его информацией о собственных предках, которые принадлежали к ханам (خوانین) Хамаданского Дарагузина. В 1708/1709 г. они прибыли в Сенендедж и там поселились. Сам автор хроники неизменно называет себя 'Али-Акбаром Хронистом и, естественно, ни разу — 'Али-Акбар-ханом.

С Е М Ь Я . Мирза 'Али-Акбар родился в столице Арделанского княжества городе Сенендедже и принадлежал к одному из семнадцати известных семейств Арделанского Курдистана, которым посвящено приложение к *Хадике-йи Насирийе*. Семья называлась Кадири, по имени ее основателя. К семейству Кадири принадлежала

прославленная курдская поэтесса и историограф Мах Шараф-ханум Курдистани (1805–1847), которая приходилась Мирзе ‘Али-Акбару Хронисту двоюродной сестрой.

Мухаммад-ака, дед Мах Шараф-ханум и Мирзы ‘Али-Акбара, был весьма незаурядной личностью. Он прожил долгую, насыщенную кипучей деятельностью и бурными событиями жизнь и около полувека занимал видное положение при четырех арделанских правителях, начиная с Хусрав-хана Великого и до его внука Хусрав-хана Накама.

Мухаммад-ака был *назиром* Курдистана. Издатель текста хроники Мах Шараф-ханум Курдистани, Йахйа Ма‘рифат уточняет, что должность Мухаммад-аки называлась *назир-и сандукхане-йи Курдистан*, или смотритель кладовых Курдистана. Полномочия Мухаммад-аки простирались далеко за пределы княжеских кладовых. Он принимал самое активное участие в политической борьбе и обогащался при этом столь интенсивно, что не единожды вызывал у глав эмирата желание несколько приуменьшить его состояние.

В качестве примера того, каким образом происходило обогащение семейства Кадири, сошлемся на рассказ Мирзы ‘Али-Акбара, записанный со слов самого Мухаммад-аки. Речь идет о сражении Хусрав-хана Великого с Аллах-Кули-ханом Зенгене, курдским правителем Керманшаха и претендентом на иранский престол. Битва закончилась победой арделанского хана, и вместе с Мухаммад-аккой он отправился в шатер поверженного противника. Мухаммад-ака как рачительный хозяйственник сразу стал осматривать трофеи и остановился в потрясении перед драгоценностями. Хусрав-хан кинжалом перемещал их, выбрал себе бирюзовый перстенок, а остальное подарил *назиру*. Драгоценности, как пишет автор хроники, оценили в 50 000 туманов.

Мухаммад-ака сохранил свое положение и должность при пременах Хусрав-хана Великого. До глубокой старости оставался он в гуще событий, потрясавших Арделанский Курдистан. При этом семейство Кадири продолжало богатеть. К началу XIX в. Мухаммад-ака усилился настолько, что примкнул к четырем сыновьям Мухаммад-Рашид-бека Вакиля, которые стремились ограничить власть Аманаллах-хана, сына Хусрав-хана. Сыновья *вакиля* попали в заточение и были казнены. Мухаммад-аку хан сместил, «на несколько дней отвратил от него [свой] милостивый взор», но затем снова поставил на пост *назира* (Мах Шараф-ханум Курдистани, с. 153).

Введение

Прощая Мухаммад-аку, Аманаллах-хан оштрафовал его на 5000 туманов и взял в жены его дочь. Мухаммад-ака стал отныне княжеским тестем и исполнителем его особо ответственных поручений.

В 1806 г. Мухаммад-ака привез в Тегеран к шаху захваченного в плен «войсками Ирана и Аманаллах-хана» Сулайман-пашу Бабана и двести пленных румийцев (турок). Затем он ездил в столицу по делу нескольких представителей арделанской знати, поднявших смуту. Заговорщиков наказали и конфисковали их имущество. В 1818/1819 г. Мухаммад-ака подавлял в Бане восстание местного правителя Фатх-‘Али-султана Банейи. Разгромленный правитель бежал, и его область была предана ограблению. Мухаммад-ака был ханом награжден, «вознесен и отмечен среди равных» и некоторое время занимался наведением порядка в Бане, а по возвращении его направили в Тегеран доложить шаху о восстании старшего ханского сына, которое закончилось гибелью его и многих представителей дома Бани Арделан (Там же, с. 157, 160, 162, 164–166).

До конца правления Аманаллах-хана и в первый год власти его сына Хусрав-хана Накама Мухаммад-ака оставался при дворе и был весьма влиятелен. Несмотря на свой уже преклонный возраст, он продолжал принимать участие в военных походах.

Молодому князю, будущему мужу Мах Шараф-ханум, богатство Мухаммад-аки, по всей видимости, не давало покоя, и неожиданно он и все семейство Кадири подверглись опале. Их арестовали и оштрафовали на 30 000 туманов (Там же, с. 176). Двумя страницами ниже Мах Шараф-ханум назовет среди пострадавших своего отца Абу-л-Хасан-бека, его братьев и племянников (Там же, с. 178). К братьям принадлежал отец Мирзы ‘Али-Акбара — Мирза ‘Абдаллах, а среди племянников мог бы находиться и сам автор *Хадике-йи Насирийе*, однако такое предположение нереально. Если к этому времени он успел появиться на свет, то был еще очень мал.

Члены семьи Кадири вскоре были освобождены и снова удостоились княжеской милости, а внучку Мухаммад-аки, Мах Шараф-ханум, которой суждено было стать гордостью страны курдов, в 1825/1826 г. молодой князь взял в жены.

О Т Е Ц. Сыновья Мухаммад-аки не обладали военными и хозяйственными талантами отца. Семейство Кадири постепенно превратилось в семью интеллектуалов. Семье, по-видимому, был присущ особый микроклимат, которому мы обязаны появлением двух блистательных историографов и поэтов, Мах Шараф-ханум Курдистани и Мирзы ‘Али-Акбара Хрониста.

Введение

Мирза 'Абдаллах (1803/1804–1864/1865), отец Мирзы 'Али-Акбара, писал стихи под поэтическим псевдонимом Раунак. В библиографическом обзоре персидской литературы Ч.А. Стори (Стори, с. 1104, прим. 5) упоминаются его поэмы, посвященные шиитским имамам, из чего было сделано заключение, что отец 'Али-Акбара был ревностным шиитом.

Перу Мирзы 'Абдаллаха принадлежит антология произведений курдских поэтов, составленная в 1265/1848–1849 г. и посвященная Аманаллах-хану Второму. Называется она *Тазкире-йи хадике-йи Аманаллахи, та'лиф-и Мирза 'Абдаллах Сенендеджи мутахаллис бе Раунак дар сал-и 1265*. Книга издана в Тебризе в 1887 г. Как писал Мирза 'Али-Акбар, сын Мирзы 'Абдаллаха, «в науке сочинительства и в письменах он превзошел ученых своей эпохи», и, «если бы он не был отцом этого бедняка, я бы подробно описал его ученость и совершенство» (Перевод, с. 264).

Семейство Кадири блистало поэтическими талантами. Мах Шараф-ханум была известной поэтессой, «был силен в стихах и в прозе и красноречив» ее двоюродный брат Хусайн-Кули-хан, получивший известность под поэтическим псевдонимом Хави Сенендеджи (Мах Шараф-ханум Курдистани, с. 16, 26).

Абу-л-Хасан-бек, отец Мах Шараф-ханум и брат Мирзы 'Абдаллаха, стихов не писал. Его интересовало воспитание детей, и он был назначен воспитателем княжеского сына, который по сестре приходился ему племянником. С великим вниманием и любовью занимался Абу-л-Хасан-бек воспитанием своего первенца, Мах Шараф-ханум, которой суждено было стать первой и единственной до конца XIX в. женщиной-историком на весь Средний и Ближний Восток.

К середине XIX в. Арделанское княжество переживало тяжелые времена, эмират раздирали на части междоусобицы. Положение усугубило назначение правителем грузина Хусрав-хана, известного своей жестокостью — по-видимому, для устрашения населения. Социальное напряжение возросло до предела. Тысяча человек «из знатных семей Курдистана», и Мах Шараф-ханум в том числе, отправились беженцами в Сулейманию, к Бабанам. Обозы с беженцами сопровождал отец автора *Хадике-йи Насирийе* и дядя Мах Шараф-ханум Курдистани — Мирза 'Абдаллах.

Мах Шараф-ханум в своей хронике описывает, сколь трудным и опасным был путь через горы и ущелья Авромана, и все заботы по обереганию обозов с беженцами взял на себя Мирза 'Абдаллах. Находились охотники их обидеть и ограбить, но в самом опасном месте, Хушбарани, их ждал правитель Авроман-лухуна

Мухаммад-Са'ид-султан. Он принял беженцев как гостей, по-курдски, и Мах Шараф-ханум на страницах своей книги с благодарностью вспоминает его гостеприимство и помощь. Через двадцать два года гостеприимного авроманского султана вместе с братом и племянниками казнят как отъявленных злодеев и смутьянов по приказу первого кадjarского губернатора Арделана.

В Сулеймании после трудного пути беженцев ждал двоюродный брат Мах Шараф-ханум и племянник Мирзы 'Абдаллаха — сын Аманаллах-хана Великого Хусайн-Кули-хан, матерью которого была дочь Мухаммад-аки.

Недолгим был обретенный покой. Вскоре от болезни умирает племянник, воспитанник Абу-л-Хасан-бека, затем племянница. «Меня, [пребывающего] в разлуке с теми двумя единственными на [весь] мир, с рыдающими очами и испепеленным сердцем охватило неодолимое желание описать и изъяснить дальнейшую историю высокодостойных *вали* [из рода Бани Арделан] вплоть до настоящего времени», — писал Мирза 'Абдаллах в своем дополнении к хронике Мах Шараф-ханум Курдистани (Там же, с. 183).

Мах Шараф-ханум писала хронику дома Бани Арделан до последнего дня своей жизни, и она осталась незавершенной. Мирза 'Абдаллах с рукописью книги возвратился в Сенендедж и в 1851 г. ее закончил, доведя повествование до джумади-л-аввала 1267/марта 1851 г. Материалы, содержащиеся в дополнении, освещают политическую ситуацию в 1847–1851 гг.

А В Т О Р. Год рождения Мирзы 'Али-Акбара (стихи он писал под псевдонимом Афсар Курдистани) неизвестен. В *Тарих-и Мардух* приводится только время его кончины — январь 1899 г. (*Тарих-и Мардух*, с. 48–49). Скорее всего, родился он в правление Хусрав-хана Накама (1824/1825–1834) в конце 20-х годов XIX века.

Князь умер молодым, за что и получил прозвище Накам (букв. «не насладившийся жизнью», «умерший молодым»). Наследнику княжеского престола было десять лет (Хусрав ибн Мухаммад, л. 99 б), и править от его имени стала мать, старшая жена Хусрав-хана Накама — кадjarская принцесса Хусн-Джихан-ханум (Валийе-ханум). Дочь Фатх-'Али-шаха была не робкого десятка. Во главе отряда из арделанских бойцов она сразилась со своим соплеменником, кадjarским принцем Ардашир-мирзой, пожелавшим захватить Курдистан, и одержала победу (Мах Шараф-ханум Курдистани, с. 162).

Семь лет правила Валийе-ханум, женила старшего сына на дочери наследника иранского престола 'Аббас-мирзы Найиб ас-Салтане,

и к существующим проблемам вскоре прибавилось соперничество двух каджарских принцесс. Валийе-ханум всячески старалась очернить старшего сына в глазах «столпов державы» (Там же, с. 22)^а. В 1848/1849 г., по свидетельству Е. И. Чирикова, Риза-Кули-хан был упрятан в тегеранскую тюрьму, откуда он бежал после смерти Мухаммад-шаха. Так продолжалось, пока в 1851 г. Валийе-ханум не была выслана в Тегеран. Через шестнадцать лет дом Бани Арделан был вообще отстранен от власти, его сменили каджарские губернаторы-назначенцы.

Такова канва событий, на фоне которых прошла первая треть жизни Мирзы 'Али-Акбара, автора *Хадике-йи Насирийе*. О себе он пишет крайне мало, лишь случайно оброненные фразы. В основном это жалобы на отсутствие денег, на бедность. Себя автор называет бедняком без имени и звания: «Я пишу по совести, нет у меня имени, заслуживающего упоминания. Уже за то благодарю Господа, что наделил меня рвением и не позволил времени стереть из памяти деяния сынов Отчизны» (Перевод, с. 264). Автор, как представляется, явно скромничает, и самоуничижительный тон есть не более, чем соблюдение традиционного стиля иранских историографов. Мирза 'Али-Акбар себе цену знал. Так, вспоминая разлад в отношениях со своим тезкой 'Али-Акбар-ханом Шараф ал-Мулком, внуком Аманаллах-хана Великого, автор *Хадике-йи Насирийе* напишет: «Кроме меня у него не было ни одного умного и преданного друга» (Там же, с. 207). Короткое спонтанное замечание четко характеризует его внутреннюю самооценку. Можно привести и другое, тоже весьма показательное высказывание: «Мирза Риза Мунши-баши, который был везиром и помощником правителя, избрал этого ничтожного, каковым являюсь я, 'Али-Акбар Летописец, и передал в мое ведение все дела в вилайете. В течение двух лет, — скромно добавляет автор, — в вилайете был полный порядок» (Там же, с. 204). Встречаются такие интересные, короткие замечания, которые характеризуют автора *Хадике-йи Насирийе* очень живо и непосредственно.

^а 'Абдаллах Мардух указывает еще одно важное обстоятельство. В 40-х годах XIX в. восстал эмир Бохтана Бадр-хан и призвал всех курдов к объединению. Свою готовность к объединению выразили многие курдские лидеры, и в их числе назван Риза-Кули-хан Арделан (Тарих-и Мардух, II, с. 5–6; Aqa'ed, p. 14). Мирза 'Али-Акбар не мог не знать этого весьма важного обстоятельства, но в силу своей политкорректности его опустил, как и многое другое.

Введение

Мирза 'Али-Акбар, как и его отец, занимал при князе должность его советника^а (Тавакколи, с. 11) и главы канцелярии (*мунши-баши*) и исполнял обязанности хрониста (*вака'и'-нигара*). *Вака'и'-нигар* (он же *маджлис-навис*) вел протоколы важных собраний, заменял везира, когда тот отсутствовал, находился при правителе во время походов и баталий. Так, во время похода Аманаллах-хана Второго в Авроман в 1864/1865 г. автор, как всегда, вел записи, фиксируя каждое ханское слово и деяние.

Как можно судить по тексту книги, характер у Мирзы 'Али-Аkbара был живым и неугомонным. Он вырос в интеллектуальной среде, в семье Кадири царили поэзия, изысканная речь, меткое, живое слово и благоговейное отношение к знаниям, к наукам. Его страстью было обретение знаний по истории и об окружающем мире.

В предисловии автор признается в своем давнем желании оставить по себе память и написать книгу. Перед ним был блистательный пример его двоюродной сестры Мах Шараф-ханум, чью книгу он внимательно читал и наблюдал за работой отца над ее продолжением. Две эти дорогие личности для него стали примером, путеводной звездой. Как отец не смог оставить незаконченной хронику Мах Шараф-ханум, так и Мирза 'Али-Акбар возложил на себя задачу продолжить их дело. При этом он многократно усложнил ее, предварив историческое описание описанием географическим. Для курдской историографии такая новация до конца XIX в. оставалась уникальной^б.

Чтобы описать Арделанский Курдистан, его семнадцать округов-*болуков*, реки и горы, Мирза 'Али-Акбар всюду побывал самостоятельно. Географическая часть книги построена не на воспроизведении сведений, взятых из вторых рук, автор приводит оригинальный и современный ему материал, основанный на личных наблюдениях и расспросах.

Мирза 'Али-Акбар побывал у истоков больших рек, у подножия каждой великой горной вершины, а на высочайшую из них (и не только на нее) — Шахо-кух (Царь-гору) совершил восхождение и даже провел там изыскания. Гора Шахо когда-то была огнедышащим вулканом, потом потухла, но не раз просыпалась. Увиденное на горе вызвало у Мирзы 'Али-Аkbара массу вопросов

^а Об этой своей должности автор не упоминает, как и то, что он ведал учетом собираемых налогов (Там же).

^б Элементы географических сюжетов удалось обнаружить в хронике 'Абд ал-Кадира б. Рустама Бабани (*Сайр ал-акрад*, с. 189–200).

Введение

и догадок, и впоследствии он не расставался с мыслью повторить восхождение. Он всерьез собирался еще раз подняться на ее вершину, а очерк об увиденном опубликовать в газетах.

По висячему мостику, сплетенному из виноградной лозы, на захватывающей дух высоте перебирался автор в горах Авромана с одного берега бурной реки на другой. Правда, рассказывая об этом, он откровенно признался, что дал себе обет не совершать больше таких прогулок. Побывал Мирза 'Али-Акбар в деревнях зажиточных и бедных, посетил мечети, поклонился священным Коранам, совершил *зийарат* к святым захоронениям. Лишь об одном не написал Мирза 'Али-Акбар — о приверженцах религии ахл-и хакк, даже побывав в авроманском Пердиваре у могилы Солтан Исхака, одного из главных их святых, не обронил информации. Тайна осталась сокрытой, как и в книгах остальных арделанских историографов. У каждого народа должны быть заповеданные тайники души, не предназначенные для всеобщего обозрения.

Как и Мах Шараф-ханум, Мирза 'Али-Акбар осмотрел остатки разрушенных, некогда могучих крепостей, за высеченными из гранита^а стенами которых на вершинах высоких гор арделанские князья были могущественны и независимы. Некоторые из своих поездок автор совершил, выполняя задания финансового ведомства. В 1878/1879 г. он проводил перепись («пересчет») населения города Сенендеджа, в Бане, Саккызе и других округах. В Авроман-тахте и Авроман-лухуне Мирза 'Али-Акбар находился при князе как секретарь во время разгоревшихся военных действий при усмирении непокорного и независимого племени авроми (курд. *hewgamî*). Все это давало исключительные возможности для сбора информации. В результате этих усилий и подвижничества был собран уникальный, не имеющий аналогов в других областях Курдистана, материал для написания книги.

Написать свою книгу автору было непросто. Мирза 'Али-Акбар жил и творил в самый трудный и сложный для Арделанского Курдистана период — период ликвидации эмирата Арделан. Все страхи, опасения, предчувствия относительно такого исхода, которыми делился с читателями его предшественник Хусрав ибн Мухаммад, чья хроника написана за 57 лет до *Хадике-йи Насирийе*,

^а Такие крепости вырубались в скале целиком: стены, жилища, колодцы. Крепость, писал в 1866 г. Д. Тэйлор о высеченном в скале Руббутском замке в верхней Месопотамии, «могла бы считаться неприступной и в настоящее время. Ядрами пробить самородный камень невозможно» (Тэйлор, с. 78).

Введение

воплотились в реальность. Сочинение Хусрава ибн Мухаммада было написано в период, близкий к крушению дома Бани Арделан, нацелено на пробуждение патриотических чувств у населения Арделана, гордости за свое историческое прошлое и желания оказать отпор «чужакам» (см.: Хусрав ибн Мухаммад, с. 22). Это составляло стержневую идею хроники. Подобные сюжеты на страницах *Хадике-йи Насирийе* отсутствуют. Внешне Мирза 'Али-Акбар не страдает ностальгией по ушедшим с политической сцены Арделанам, но это было только внешне. Автор *Хадике-йи Насирийе* понимал ситуацию в регионе глубоко, видел силы, готовые взорваться и в одночасье изменить положение. Он видел даже лидеров, которые могли возглавить эти рвущиеся наружу силы. Поэтому его задача состояла в том, чтобы скрыть эти свои знания и идеи и никоим образом их не показывать.

Достаточно заглянуть в будущее на два десятилетия вперед, и мы найдем тому неопровержимые доказательства. Представитель дома Бани Арделан 'Аббас-хан, более известный как Сардар-и Рашид, предпринял вооруженную попытку вернуть власть и вернул ее реально более чем на десятилетие (Мах Шараф-ханум Курдистани, с. 224, 225).

Мирза 'Али-Акбар после 1867/1868 г. оставался при дворе губернатора в Сенендедже и исполнял обязанности секретаря. В зависимости от ситуации он мог выполнять и функции советника, и весьма успешно. При этом он писал стихи под именем Афсара Курдистани (Стори, с. 1102). Так, во время пышного приема, устроенного губернатором Керманшаха и Курдистана, Мирза 'Али-Акбар произнес касыду своего сочинения. «Красота и плавность речи этого бедняка без имени и звания, — пишет автор *Хадике-йи Насирийе*, — снискали одобрение и похвалу его высочества принца... и в дар ему пожаловали кашмирскую шаль» (Перевод, с. 203).

В 1883 г. Мирза Али-Акбар выехал в Мукринский Курдистан и занял пост секретаря при губернаторе Соуджбулага Мукринского Сайф ад-дине Мукри, сыне Азиз-хана Сардара. В хронике автор не упоминает, при каких обстоятельствах и когда он принял решение об отъезде, но уже в августе 1884 г. по заданию Сайф ад-дина Мукри Мирза 'Али-Акбар выехал в качестве его представителя в Сенендедж улаживать вспыхнувший конфликт между двумя племенами, галбаги и тилаку. Бытовой конфликт вылился в большое кровопролитие, пострадало много людей, и племя тилаку обратилось к Сайф ад-дину за заступничеством. Самое примечательное в этой истории — факт, что улаживал конфликт Мирза 'Али-Акбар в строгом соответствии с «обычаем племен и *аширатов*».

Автор хроники выразил столько неприязни в отношении могучих и авторитетных племен джаф и авроми^а, что возможно было предположить его негативное отношение к племени как таковому. Ведь все «злодеяния» и «злокозненность» джафского племени заключались лишь в том, что оно отстаивало право на жизнь, на свой «иль-рах», маршрут кочевания и пересечения ирано-турецкой границы. Это право даже у членов демаркационной комиссии 1911 г., по свидетельству А. А. Орлова (Орлов, с. 367), не вызвало никаких вопросов. Они признали его молча, понимая, что речь идет о структуре хозяйства и жизни племенного сообщества, сложившейся веками. Для областей Курдистана характерна тесная взаимосвязанность и взаимозависимость кочевника и оседлого. Это — норма их жизни, а ее по приказу губернаторов ломали с помощью гарнизонов солдат.

Заключение о негативном отношении автора *Хадике-йи Насирийе* к племени, тем не менее, представляется неоправданным. Верность традиционным, вековым устоям, заключенную в «законе племен», он воспринимает с явным одобрением. Рассказывая о событиях различной давности, Мирза 'Али-Акбар многократно упрекает тех правителей, которые обходились с народом Курдистана вопреки «обычаю илей и аширатов». Верность «закону племен» обязательно приводится автором в перечне заслуг и достоинств правителя^б. Древний обычай оставался для Мирзы 'Али-Акбара Хрониста неприкосновенной святыней. Авторские негативные высказывания о племенах джаф и авроми едва ли можно назвать искренними. В реальности все, что сказано Мирзой 'Али-Акбаром об этих двух известных племенных сообществах, представляется не более чем проявлением политкорректности в отношении властных структур.

После эпопеи с племенами галбаги и тилаку Мирза 'Али-Акбар жил, по всей видимости, в Сенендедже и впоследствии весьма приблизился к влиятельному Хасан-'Али-хану Амир-Низаму Гярруси^с, который, сделав блистательную карьеру на дипломатическом поприще, по замыслу шаха был призван для наведения порядка в Курдистане. 5-го джумади-л-аввала 1309/7-го- декабря 1891 г. Хасан-'Али-хан Амир-Низам был назначен губернатором

^а Это заметил и отметил издатель текста *Хадике-йи Насирийе*, назвав отношение автора «нелюбезным» (Тавакколи, с. 12).

^б Даже Гулам-Риза из племени шахсевен, не курдистанец, назначенный губернатором Курдистана в 1876 г., заслужил за это у автора одобрение и похвалу.

^с Стори, с. 1103.

Курдистана, и Мирза 'Али-Акбар стал одним из его преданных помощников. Автор *Хадике-йи Насирийе* ценит нового губернатора очень высоко, посвятил правлению «этого первого человека в государстве» (перевод, с. 224) и подвигам его предков почти треть главы 8-й о правителях Курдистана, которые не были курдистанцами.

С помощью Амир-Низама Мирза 'Али-Акбар был представлен Насир ад-дин-шаху и преподнес ему *Хадике-йи Насирийе*. Впоследствии, уже после написания *Мир'ат аз-Зафар*, его принял Музаффар ад-дин-шах. Оба каджарских шаха оценили книги весьма высоко (*Тарих-и Мардух*, с. 49). Сбылась, таким образом, надежда историографа на шахское внимание, а возможно, и на вознаграждение.

В тексте хроники автор неоднократно упоминает свое сочинение под названием *Тарих ал-акрад* («История курдов»). При этом ближе к середине текста говорится, что книга уже написана (Перевод, с. 140, 221), а в самом конце — что будет написана (там же, 265). Подтверждение того, что книга под названием *Тарих ал-акрад* была Мирзой 'Али-Акбаром Курдистани написана, мы находим во вводном слове Абдаллаха Мирдуха к *Aqayed*, книге Мах Шарафханум Курдистани (*Aqayed*, с. 9). При этом упоминается, что, кроме *Хадике-йи Насирийе*, *Ми'рат аз-зафар* и *Тарих ал-акрад*, нашим автором написано «несколько других сочинений». Названия их не приводятся.

Отметим в заключение, каким образом Мирза 'Али-Акбар понимал свою жизненную установку и позицию как историограф: «Хотя у прежних и новых историков искони принято о правителе, во времена которого пишется сочинение, сообщать только хорошее, я, ничтожный раб 'Али-Акбар, секретарь и летописец, со всей смелостью по этому поводу заявляю, что не возьмусь за перо иначе, чем ради истины, и правдой не поступлюсь!

Свидетель тому Бог и народ мне свидетель,
Что дни мои омрачены из-за [моей] правдивости!

...Цель автора — описание истории, а не славословие и восхваление!» (Перевод, с. 224).

Столь далеко уйти от своей эпохи и среды обитания автор, разумеется, не смог, как бы он этого ни жаждал. Целую бурю эмоций вызывало у него одно шахское имя. Это имя буквально тонуло в потоке эпитетов, восхвалений и благопожеланий в авторском предисловии. Заканчивается это славословие посвящением книги шаху и надеждой на шахскую милость и внимание.

Тем не менее заключительное авторское слово впечатляет своей проникновенной любовью к исторической науке. Мирза 'Али-Акбар обращается к соотечественникам с призывом «хранить в памяти события, которые произойдут в обширных областях Курдистана» и их записывать, «не отдавать на уничтожение времени и коловратным небесам» (Перевод, с. 342).

Невозможно не заметить, что автор говорит здесь обо всем Курдистане, о его о б ш и р н ы х областях, а не только о Курдистане Арделанском. Память и думы о том Великом Курдистане, о котором, как заметил и отметил В. Ф. Минорский, писал Шараф-хан Бидлиси, не могли не жить в сердце автора *Хадике-йи Насрийе*.

Не прав был Мирза 'Али-Акбар, называя себя «ничтожным бедняком, собирателем колосков на ниве просвещенных, которого жители [этой] области по своей доброте причисляют к эрудитам эпохи». Правы были те, кто «причислял». Он такое признание заслужил.

О СОЧИНЕНИИ

Время написания сочинения. В первый раз текущий год (حالتحریر) указан во 2-й главе, посвященной Сенендеджу (Тавакколи, с. 27), — 1309 г., месяц мухаррам/август 1891. Дата завершения книги приведена в рукописи-автографе Тегеран Милли (Там же, с. 193, прим. 1). Окончание обозначено месяцем раджабом 1309/февралем 1892 г.

Предположение, что вся книга была написана за период с августа 1891 по февраль 1892 г., т.е. почти за семь месяцев, представляется нереальным. Несомненно, что каждый раздел готовился предварительно, «после необходимых исследований и изысканий, после изучения надежных документов (اسناد معتبره)». Эти слова предваряют начало 7-й главы, посвященной истории дома Бани Арделан (Там же, с. 80).

Такой период подготовки предшествовал не только главе 7. Доказательством того, что работа над книгой вначале носила выборочный характер, а непрерывной стала лишь на завершающем этапе, служит совершенно неожиданный «текущий год», каковым в 3-й главе назван 1308 г. х. при том, что в предыдущей главе текущим был год 1309-й. Напрашивается вывод, что глава 3 написана до главы 2, и начало работы над книгой отодвигается на 1308/1890–1891 г. по крайней мере.

Источники, которыми пользовался автор *Хадике-йи Насирийе*, можно разделить на 1) письменные, 2) устные и 3) личные авторские наблюдения. Задача историографа, как писала Мах Шарафханум Курдистани, заключалась в том, чтобы описать, что удалось выяснить по хроникам, услышать от стариков и увидеть самому (Мах Шарафханум Курдистани, с. 46). Ясно, что Мирза 'Али-Акбар, будучи человеком образованным, был хорошо знаком с литературой по интересующей его теме. Автор обращался к произведениям, написанным до него персидскими, курдскими, арабскими авторами, однако при этом привел в своей книге мало имен сочинителей и совсем не указал их сочинения. Упоминаются имена Шараф-хана Бидлиси (1543–1603/1604), основоположника курдской историографии, и Хамдаллаха Мустауфи Казвини (род. ~ 1281). Однако Мирза 'Али-Акбар упоминает этих двух авторов не для того, чтобы воздать им должное или сослаться на их труды. Он упоминает их, чтобы указать замеченные неточности. Про оплошности в *Нузхат ал-кулуб* автор упоминает дважды, и В. Ф. Минорский на полях рукописи подтверждает правоту Мирзы 'Али-Аkbара Хрониста.

В био-библиографической литературе о курдах зафиксированы названия четырех значительных исторических произведений, принадлежащих перу курдских авторов, уроженцев Арделанского Курдистана: *Зубдат ат-таварих-и Сенендеджи* Мухаммада Шарифа Кази, хроника Хусрава ибн Мухаммада, *Тарих-и Арделан* Мах Шарафханум Курдистани и *Хадике-йи Насирийе* Мирзы 'Али-Аkbара. В действительности число арделанских хроник доходило до десятка. Имена арделанских историографов: Исма'ила ибн Муллы Мухаммада Хусайна Арделани, 'Абд ал-Кадира ибн Рустама ал-Бабани, Мирзы Шукраллаха Сенендеджи и других, чьи сочинения остаются в частных коллекциях, ввел в научный оборот Абдаллах Мардух (Abdollah Mardukh, p. 26, 34, 45, 52–54). Из арделанских хроник каждая ценна по-своему и заслуживает публикации и исследования, а все вместе они являются бесценным источником информации по Юго-Восточному Курдистану, названному К. Дж. Ричем самой интересной и любопытной частью страны курдов (Rich, p. 267).

Хадике-йи Насирийе в перечне арделанских хроник является замыкающей. В ней история княжеского дома Бани Арделан доведена до 1867/1868 года, когда Арделанский эмират в одночасье рухнул, превращенный в губернию Ирана. Правление губернаторов Курдистана автор *Хадике-йи Насирийе* отслеживает до 1309/1891–1892 г.

Мирза 'Али-Акбар, без сомнения, был знаком с трудами своих предшественников, арделанских хронистов, однако называет он только Мах Шараф-ханум Курдистани, отмечая при этом, что эта женщина заслуживает упоминания историками мира. Обращался он и к трудам других арделанских хронистов. Например, отдельные местные предания Мирза 'Али-Акбар приводит в той же редакции и с теми же подробностями, что и Хусрав ибн Мухаммад^а, но ни его имя, ни хроника в *Хадике-йи Насирийе* не упоминаются. Автор не склонен ссылаться и опираться на авторитеты. Весь груз ответственности он предпочитает брать на себя.

В качестве исторического источника автор в значительном объеме использовал погодные записи. Ведение погодных записей — описание событий (*вака'и'и-нигари*), кроме выполнения обязанностей секретаря-*мунши*, составляло предмет его постоянных занятий. Автор был летописцем-профессионалом и даже, более того, потомственным летописцем-профессионалом. Он вел погодные записи, как и его отец. В такой семье, как Кадири, могла существовать семейная традиция вести погодные записи не только по долгу службы, но и во имя идеи, которую проповедовал автор: уберечь от забвения исторические события, передать потомкам.

Мирза 'Али-Акбар обошел и объехал весь Арделанский Курдистан, дважды проводил перепись («пересчет») населения в Сенендедже (с интервалом в несколько лет) и в округах. Он мог узнать, где и в каких семьях велись записи, «занимались сочинительством». Автор мог увидеть рукописи и документы, которые оставались неизвестными. Он общался с самым широким кругом местного населения, городскими и деревенскими жителями, с теми, кто жил в шатрах — с кочевниками. Когда Мирза 'Али-Акбар начал собирать материалы по исторической географии Арделанского Курдистана, эта область, как и весь Иран, еще жила глубоко патриархальной жизнью, далекой от политики, охватившей страну в первые десятилетия XX в. На всем протяжении Ирана, писал в 1911 г. В. Ф. Минорский, рассказывая о своих поисках материалов по секте ахл-и хакк, безгранично царствовали предания. «Благочестивые легенды ревниво оберегались от непосвященных в глубине черных шатров кочевников или в ограде глинобитных стен заброшенных среди гор деревушек» (Минорский, с. XIX).

^а Ср.: Хусрав ибн Мухаммад, лл. 25 б, 26 а, 39 а, 39 б и *Хадике-йи Насирийе* (MS), лл. 107–108, 124–126.

Возможно, такому безвестному источнику информации мы и обязаны уникальными датами, которые встречаем на страницах *Хадике-йи Насирийе*, а именно — годами правления первых представителей дома Бани Арделан.

Самая первая и «шокирующая» дата — 564/1168–1169 г., год прихода к власти основателя дома. Ни Шараф-хан Бидлиси, ни один из арделанских хронистов (кроме автора *Хадике-йи Насирийе*) не датировал это событие, ограничиваясь хронологическими ориентирами, как-то: «в конце правления Чингиз-хана», «в конце правления Чингизидов» и т. д. (см.: Васильева¹, с. 31–32). Первым побуждением автора этих строк было недоверие к дате по причине ее недоказуемости. После окончания работы над текстом хроники, ее исторической и географической частями, когда стало ясно, ценой какого невероятного труда добывалась автором информация для написания книги, неприятие этой даты растаяло. Заметим, что эту дату без всяких вопросов восприняли Е. И. Чириков и Ф. Чернозубов, не вызвала она сомнения и у двух самых тонких знатоков арделанской истории — Шейха Мухаммада Мардуха, автора *Тарих-и Мардух*, и его сына Абдаллаха Мардуха. В книге Мардуха-сына приведено даже генеалогическое древо семейства Бани Арделан с указанием времени правления его представителей (см.: Abdollah Mardukh, p. 435).

Мирзе ‘Али-Акбару трудно не поверить. Его хроника создавалась не в тишине уединенной кельи, а в неутомимом поиске «надежных документов», неизвестных сочинений, преданий и знатоков преданий. Во время своих неутомимых поисков, может быть, в потаенных текстах, «ревниво оберегавшихся в глубине черных шатров и в горных деревушках», и были обнаружены эти даты. Устная местная традиция, предания и сказы до появления хроник арделанских историографов были главными хранителями исторического прошлого и послужили источником первостепенной важности при написании этих сочинений.

Любопытным примером использования арделанскими хронистами устной местной традиции является их рассказ о походе сефевидского шаха ‘Аббаса I (1587–1629) на Арделанский Курдистан в правление Хало-хана. Шах с армией, согласно рассказу хронистов, вступил в Арделан и продвинулся вглубь, преисполненный желанием проучить Хало-хана и разорить его владения. Все арделанские хронисты упоминают, как личный стремянный шаха Али-Бали из курдского племени зенгене отговорил шаха ‘Аббаса продолжать поход. Доводы были приведены столь убедительные, что сефевидский шах

повернул назад и ограничился письмом Хало-хану с требованием послать ко двору шаха своего сына Хан Ахмад-хана (*Зубдат ат-таварих-и Сенендеджи*, л. 192 а).

Тщательно и подробно описанная арделанскими хронистами история несостоявшегося похода не нашла подтверждения в книге придворного историографа шаха 'Аббаса I Искандар-бека Туркемана. В *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* такой поход не упоминается, а Али-Бали Зенгене назван шахским стремянным после прихода к власти сына Хало-хана — Хан Ахмад-хана (*Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* [1965], II, с. 943).

То, что поход шаха 'Аббаса в Арделанский Курдистан, тем не менее, имел место, доказывает самый последний из арделанских хронистов — Мирза 'Али-Акбар, наиболее удаленный от описываемых событий во времени. Доказательство бесспорно. Это — название источника, из которого пил воду шах 'Аббас и был ею так восхищен, что назвал источник Шах-пасанд (букв. «Одобренный шахом»). Название сохранилось и стало неожиданным историческим свидетельством, которое раздобыл во время своих неутомимых походов Мирза 'Али-Акбар. Именно возле источника шах 'Аббас позволил себя убедить не идти с войском дальше в горы и возвратился в столицу.

Местная устная традиция, арделанские историографы и в их числе Мирза 'Али-Акбар стремились возвеличить род Бани Арделан, приписать князьям из этого дома великие завоевания и подвиги. Прославленный шах 'Аббас, согласно арделанской традиции, побоялся сразиться с Хало-ханом Арделаном. Местные предания и следом за ними арделанские историографы создали легенду о завоевании сыном Хало-хана Хан Ахмад-ханом города Багдада, хотя Искандар-бек Туркеман опровергает достоверность этой информации. Тем не менее местные предания, подвергшиеся в сочинениях Хусрава ибн Мухаммада и Мирзы 'Али-Акбара переделке, превратили участие Хан Ахмад-хана в Месопотамской кампании в поход, который, «к а к г о в о р я т», продолжался семь лет и три месяца».

Материалы, послужившие источником при написании книги, Мирза 'Али-Акбар черпал также из рассказов «достойных доверия» информаторов. Чем ближе описываемые события ко времени написания, тем подробнее авторский рассказ, основанный зачастую на личном знакомстве с упоминаемыми персонажами. Так, рассказ автора о войнах Хусрав-хана Великого с Аллах-Кули-ханом Зенгене, с Джа'фар-ханом Зендом и другими Зендами основан, в основном, на том, что рассказывал легендарный дед автора и Мах

Шараф-ханум — Мухаммад-ака. Одно из таких авторских повествований так и ведется от его имени в форме прямой речи. Дедовский рассказ, по-видимому, был записан кем-то из его трех сыновей, и в *Хадике-йи Насирийе* воспроизводится, скорее всего, по записи.

Своими рассказами с автором охотно делился его тезка и друг 'Али-Акбар-хан Шараф ал-Мулк, которого тот неоднократно выручал в трудную минуту. Ценным историческим свидетельством служит записанный Мирзой 'Али-Акбаром рассказ 'Али-Акбар-хана Шараф ал-Мулка о расправе, учиненной по воле губернатора над Мухаммад-Са'ид-султаном, правителем Авроман-лухуна. Расправились жестоко и коварно, и Шараф ал-Мулк лишь удивлялся, как легко удалось усыпить его бдительность.

Рассказ, построенный на «свидетельских показаниях», плавно переходит в повествование, основанное на личных наблюдениях автора. *Хадике-йи Насирийе* — живое сочинение. При чтении книги ощутим эффект присутствия читателя при описываемых событиях и знакомства с историческими персонажами. Такой эффект достигается за счет обилия прямой речи. Острый слух хрониста помог ему услышать речи и высказывания, а быстрое перо нанесло на бумагу. При этом, «передавая слово» очередному персонажу, автор спонтанно переходит в своем рассказе на настоящее время: «говорит [такой-то]». Да и свои слова он неоднократно предваряет зачином, «автор со [всей] беспристрастностью говорит». При переводе происходила автоматическая замена слов «говорит» и «пишет» на «свидетельствует», что представляется более адекватным авторскому подтексту. Автор как будто представляет свои слова на суд истории, перед которой испытывает благоговение.

П л а н с о ч и н е н и я . В манускрипте В. Ф. Минорского хроника Мирзы 'Али-Акбара не имеет оглавления или плана сочинения, как это принято в персидской историографии. В ней отсутствует деление текста на главы, части, разделы. В рукописи присутствуют лишь авторские заголовки, предваряющие следующий за ними текст. Местами отсутствуют и заголовки. О начале новой части текста можно лишь догадываться по выделенному красными чернилами слову или словам, условно принимаемым за заголовок.

Оглавление дается в издании (Тавакколи, с. 1–3), где присутствуют главы (фасли), их нумерация и названия.

В изданной книге план сочинения и оглавление вынесены за черту авторского текста, поэтому можно предположить, что в рукописи-автографе они отсутствуют, как и в манускрипте В. Ф. Минорского.

В издании приведены пронумерованные главы и их названия:

Вступление автора.

Глава 1-я. Страна Мидия.

Глава 2-я. Сенендедж.

Глава 3-я. Округа-*болуки* Курдистана.

Глава 4-я. Реки Курдистана.

Глава 5-я. Горы Курдистана.

Глава 6-я. Племена Курдистана. Описание племен Курдистана и изъяснение их численности и [выплачиваемых] налогов.

Глава 7-я. Описание происхождения [Баба] Арделана и правителей из того семейства.

Глава 8-я. Правители, [которые] не были курдистанцами.

Глава 9-я. Дополнения к книге.

Книга Мирзы 'Али-Акбара начинается с традиционного для персидской историографии авторского введения, с восхваления Аллаха и пророка Мухаммада. Затем весь свой хвалебный потенциал автор обращает на Насир ад-дин-шаха Каджара и после изъяснения причин, побудивших его взяться за перо, переходит к изложению текста книги.

Глава 1-я посвящена Мидии, и в качестве источника информации по истории Мидии автор использовал незаконченный географический словарь *Ми'рат ал-булдан-и Насири* Мухаммад-Хасан-хана И'тимад ас-Салтане. Сведений словаря, как показало обращение к Истории Мидии И. М. Дьяконова, оказалось недостаточно даже для краткого экскурса автора в мидийскую историю.

О мидийском присутствии в отдаленной истории курдов с уверенностью заявляли многие авторитетные курдоведы. Э. Б. Соун, изучавший Курдистан «in disguise» и в форме английского политического администратора, многое понял в стране курдов и в ее прошлом. В книге Соуна есть интересное высказывание о Мидии, «которая в последний период своей истории вступила с именем Гордуэна и Курд». Этими словами автор обозначил отчетливо ощущаемые им родство и преемственность мидийцев и курдов. С историко-лингвистическим обоснованием выступил в 1940 г. В. Ф. Минорский. Он назвал мидийцев предками курдов и выразил уверенность в существовании мидийской базы в основании единства курдской культуры. На мнение В. Ф. Минорского как величайшего авторитета по ранней курдской истории ссылается М. ван Брёйнессен (Bruinessen², p. 131), который занимает такую же позицию в вопросе о значении мидийского фактора в истории курдов. Судя по книге Мирзы 'Али-Акбара и *Ми'рат ал-булдан-и Насири* — словарю, который автор использовал в качестве источника, такое мнение

Введение

существовало в среде курдских и иранских интеллектуалов почти на уровне аксиомы, не требующей доказательств.

Главу 2-ю автор посвятил родному городу, столице Арделанов, куда в самом начале XVIII века прибыли его предки. Сенендедж служил символом могущества княжеского дома. Цитаделью власти называет Мирза 'Али-Акбар дворцово-крепостной ансамбль Сенендеджа, а сам город — «Обителью Знания»^а в Иране и центром просвещения. «Именитые ученые, выдающиеся обладатели знания» вышли из медресе при сенендеджской мечети Дар ал-Ихсан, свидетельствует автор.

Центральное место в географической части *Хадике-йи Насирийе* занимает глава 3, посвященная округам Арделанского Курдистана. По каждому из семнадцати округов приведены, как правило, сведения о численности населения и количестве деревень, о климате, родниках и источниках, об орошении, возделываемых сельскохозяйственных культурах, об урожаях, произрастающих видах деревьев и растений.

Предлагаем составленную нами таблицу сведений автора по округам — в той последовательности, в какой они приведены в его книге.

Округа	Что выращивается и произрастает
1. Бане Количество деревень — 200, население 32 240 человек, налоги — 5 600 туманов	Выращивается пшеница и разновидность проса «димле». Зерновых явно недостаточно для нужд населения; ввозится пшеница и ячмень. В горах, покрытых лесом, собирается чернильный орешек в большом количестве. Ведется охота на сокола и куропатку.
2. Саккыз 360 деревень, 1 городок, население 30 024 человека	Выращиваются зерновые культуры: озимые и яровые, пшеница, ячмень, просо; бобовые культуры: горох, чечевича; бахчевые культуры: арбузы и дыни; технические культуры: хлопок и табак в большом количестве. Есть горные пастбища, где выпасают скот.
3. Исфандабад 94 деревни, население 14 000 человек, налоги — 7 102 тумана и 4 400 динаров	Самый плодородный округ, житница Арделана. Выращиваются всевозможные злаки, озимые и яровые. Есть пастбища для выпаса скота.

^а *Дар ал. 'илм* (см.: также Aqayed, p. 5).

Введение

4. Карафту 15 деревень, 1 600 жителей, налоги — 522 тумана	Выращиваются зерновые культуры: пшеница, ячмень. Есть кочевья и пастбища для выпаса скота.
5. Тилаку 24 деревни, население 4242 человека, налоги — 1 506 туманов	Выращиваются зерновые культуры, озимые и яровые. Успешно занимаются садоводством. Выращивается техническая культура: табак.
6. Хорхоре 50 деревень, население — 8 000 человек, налоги — 690 туманов	Выращиваются зерновые культуры: пшеница, ячмень, просо; виноград и технические культуры: хлопок, табак. Есть горные пастбища, трава и вода в изобилии. Много дичи.
7. Мариван 20 деревень, население — 26 000 человек, налоги — 1 655 туманов	Выращивают зерновые культуры: пшеницу, ячмень, кукурузу, много риса; бобовые культуры: горох и чечевицу. Округ покрывают леса, где добывают чернильный орешек.
8. Авроман-тахт 33 деревни, население 4 000 человек, налоги — 700 туманов	Выращивают зерновые культуры: пшеницу и ячмень, другие ввозят из соседних районов. В изобилии выращивается инжир и гранаты. Много рощ деревьев, где добывается чернильный орешек; на горе Пир Рустам изобильные пастбища, леса и дичь.
9. Авроман-лухун 22 деревни, население 4 000 человек, налоги — 300 туманов	Округ состоит из гор, поросших лесом. Для земледелия пригодного места нет. Выращивается инжир и гранаты, которые вывозят в соседние округа, меняют на пшеницу и ячмень. Производится много меда.
10. Джаванруд более 100 деревень, 15 000 жителей, налоги — 4098 туманов	Выращивают зерновые культуры: озимые и яровые, пшеницу, ячмень, кукурузу, просо; бобовые культуры: горох, чечевицу; бахчевые культуры: арбузы и дыни; гранаты и алычу (алыча из Паве известна на весь Курдистан); техническую культуру: табак. Деревни окружены рощами, где растут фисташка и дуб; добывают чернильный орешек, манну, ароматную смолу, светлую камедь.

Введение

<p>11. Эйлак 80 деревень, население 12 000 человек, налоги — 3614 туманов</p>	<p>Выращивают зерновые культуры: пшеницу, ячмень; бобовые: горох и чечевицу. Климат холодный. Садов мало, много летних кочевий, где пасут свой скот племена баливанд, тамартоза, дурраджи, коркайи, махмуд-джибраил, лала.</p>
<p>12. Калат-Арзан 64 деревни, население 10 000 человек, налоги — 2862 тумана</p>	<p>Выращивают пшеницу и бобовые культуры: горох и чечевицу. Больше всего выращивается винограда и фруктов. Деревни имеют сады и рощи, где растут грецкие орехи и абрикосы. Добывается светлая камедь.</p>
<p>13. Корраваз 20 деревень, население 2 500 человек, налоги — 250 туманов</p>	<p>Выращивают зерновые культуры: пшеницу, ячмень, кукурузу в количестве прожиточного минимума для населения округа. Произрастают леса из фисташки, ясеня и дуба.</p>
<p>14. Жаваруд 58 деревень, население —?, налоги — 4314 туманов</p>	<p>Выращивают пшеницу и другие злаковые культуры в количестве, достаточном для населения округа. Занимаются садоводством, во множестве растут грецкий орех, абрикосы, яблоки, айва.</p>
<p>15. Округ состоит из трех районов: Хобату, Сарал, Кара-Таваре 82 деревни, население 12 000 человек, налоги — 2 820 туманов</p>	<p>Выращивают зерновые культуры озимые и яровые: пшеницу, ячмень, кукурузу; бобовые: горох и чечевицу; бахчевые: дыни и арбузы; технические: табак. Климат холодный. Много летних кочевий. Летом, по мнению автора, «это лучшее место в Курдистане». Место летних кочевий племен галбаги, мандуми, ил-и Зайнал.</p>
<p>16. Округ состоит из трех районов: Амирабад, Паланган, Билавар 35 деревень, население 4 500 человек, налоги — 1 336 туманов</p>	<p>Выращивают зерновые культуры: пшеницу, ячмень; бобовые: горох и чечевицу; виноград и орехи. Воду берут из источника и из реки.</p>
<p>17. Хасанабад 32 деревни, население 5 580 человек, налоги — 2 400 туманов</p>	<p>Выращивают зерновые культуры: много пшеницы, ячмень, кукурузу; бобовые: горох и чечевицу; технические: хлопок. Много садов, виноградников и ореховых деревьев.</p>

Введение

18. Хусайнабад, не выделяемый автором в особый округ 34 деревни, население — 5000 человек, налоги — 1296 туманов	Выращиваются зерновые культуры, озимые и яровые
--	---

Благодаря сведениям Мирзы 'Али-Акбара мы имеем полный перечень культурных растений Арделанского Курдистана: зерновых, бобовых, бахчевых, технических. Приведены данные об урожайности, названия плодовых деревьев. Автор не забыл упомянуть даже популярную ароматную травку бивзу, которая растет на горе Арбаба в округе Бане.

Арделанский Курдистан покрывают горы и горные хребты, которые пролегают почти на равном расстоянии друг от друга и имеют общее направление с северо-запада на юго-восток, — горы, перемежающиеся с долинами. В каждом районе свой климат. Высокогорные зоны принадлежат к *сардсирам* — с прекрасными альпийскими лугами, летними пастбищами для кочевых племен (округа Саккыз, Хорхоре, Эйлак). Низменные зоны назывались *гярмсирами*. И. П. Петрушевский воспринимает названия «*сардсир*» и «*гярмсир*» синонимами тюркских терминов «яйлак» (летнее кочевье) и *кышлак* (зимнее становище) (см.: Петрушевский², с. 182). Заметим; что один из сардсирных округов Арделана так и называется — Эйлак, в его названии отчетливо просматривается термин «яйлак».

Как показывает описание Мирзы 'Али-Акбара, область обладала двойным экономическим потенциалом, и реализовать его можно было лишь объединенными усилиями кочевника-скотовода и оседлого земледельца. Самой природой Арделанский Курдистан был обречен на совмещение кочевого скотоводства и оседлого земледелия.

После рек и гор Курдистана (главы 4 и 5) Мирза 'Али-Акбар переходит к описанию его семнадцати племен (глава 6). Автор очень любит число 17, видит в нем какую-то заданность благоденствия, а потому число округов-болуков, великих гор и рек также обозначает этой цифрой.

В реальности племена перечислены автором далеко не все, их было явно более семнадцати. Не вошли в перечень столь уважаемые Мирзой 'Али-Акбаром племена, как гораны и кельхоры. Основная масса этих племенных сообществ к XIX столетию уже переместилась на юго-восток, в Керманшахскую область, но части племен оставались в Арделане. Не упомянуты джафы даже в Джаванруде,

где они проживали всегда. Это был их исконный район обитания, хотя основная масса племени предпочла переехать в Шахризур (см.: Васильева¹, с. 164–167).

Мирзе ‘Али-Акбару было непросто установить реальную численность племени, поскольку он был представителем администрации. От численности племени зависел объем налогов в казну, а выплачивали их племена весьма неохотно. Более того, чем мощнее было племя, тем труднее взимались с него налоги.

Заметим также, что два из названных Мирзой ‘Али-Акбаром семнадцати племен: гивекяш-у-харрат (букв. «обувщики и точильщики по дереву», 1 000 душ) и лур-и кулахгяр (букв. «шляпники-лурь», 700 душ), более похожи по их названиям на профессиональные сообщества, чем на племена. Проживали их представители в городе Сенендедже и в различных деревнях.

Глава 7-я *Хадике-йи Насирийе* посвящена правлению дома Бани Арделан и истории Арделанского княжества. Страна курдов за свою многовековую историю не обрела государственного статуса, и формой реализации государственно-строительного потенциала этноса стали княжества-эмираты. Правители княжеств были вассалами более мощных государственных образований, тем не менее появление некоторых курдских династий производило эффект политического взрыва. К таким династиям принадлежали Хасанвайхиды (959–1015), Марваниды (985–1085) и Арделаны (XII в. — 1867/1868 г.). Судьбы трехдинастий связаны самым причудливым образом — такой вывод подсказывают исторические источники, начиная от Шарафхана Бидлиси и кончая Мирзой ‘Али-Акбаром Хронистом.

Из трех династий позднее всех появился дом Бани Арделан и превзошел две другие своим долголетием. У основания фамильного древа стоят прародитель династии и горано-кельхорское племенное сообщество, его военная сила и мощь.

Гораны вместе с кельхорами представляли в этой части Курдистана конфессиональное сообщество ахл-и хакк, или крайнюю шиитскую секту. Свою веру сектанты скрывали и официально именовались шиитами-имамиитами. В XII в. конфессия находилась, по видимому, на стадии оформления. Проповедническую деятельность Солтан Исхака, который адептами вероучения ахл-и хакк считается четвертым воплощением Бога периода Истины (ал-хакикат), принято относить к XIV в. Однако чтобы пройти три предшествующие стадии, конфессия ахл-и хакк должна была существовать до XIV в.

Гораны в начале XI в. пережили политическое потрясение. В 1015 г. пала династия Хасанвайхидов, одна из пяти курдских ди-

Введение

настий, отнесенных Шараф-ханом Бидлиси к государям (Шараф-наме, с. 10). Хасанвайхиды были горанами, и племенное сообщество горан служило военным оплотом династии (Васильева², с. 183). После падения династии горанское племенное сообщество распалось на три части: шахризурскую, арделанскую и зохабо-керманшахскую. В шахризурскую часть горанского племени в конце XI — первой половине XII в. и внедрился персонаж, потомкам которого суждено было определить судьбу региона Юго-Восточного Курдистана почти на тысячелетие, до 1867/1868 г. Таким персонажем был внук самого яркого представителя блистательной курдской династии Марванидов — Ахмада ибн Марвана, в правление которого власть Марванидов достигла апогея.

Относительно того, когда и как произошло это внедрение, наиболее правдоподобная версия приведена курдским историком Мухаммад Амином Заки. Согласно этой версии, внук Ахмада ибн Марвана бежал в Шахризур, спасаясь от везира Абу Джахира, принимавшего активное участие в свержении Марванидов. Именно в Шахризуре он поселился среди горанов и какое-то время кочевал с ними (Заки Мухаммад Амин, с. 276).

Горанское племя не только приняло потомка прославленного Ахмада ибн Марвана, которого в пятничной молитве-*хутбе* именовали «величайшим эмиром и славой ислама» (Сафар-наме, с. 38, 41, 42) и с чьим именем чеканились монеты. Имя внука Ахмада ибн Марвана осеяла харизма, оно несло в себе заряд идеологической символики, и племя горан возвело его в сан своего духовного лидера, поименовало званием Баба (букв. «старейшина») и, возможно, даже причислило к своим святым.

В 564/1168–1169 г., согласно *Хадике-йи Насурийе*, внук Ахмада ибн Марвана появился на политической сцене как глава горанов, с именем [Баба] Арделан³. В этом году состоялся прорыв основоположника дома Бани Арделан во власть благодаря военной мощи двух племенных сообществ — горанского и кельхорского, самых могущественных племен Юго-Восточного Курдистана. Как писал Шараф-хан Бидлиси: «К концу правления Чингизидских султанов он (Баба Арделан) *завоевал* область Шахризур» (Шараф-наме, с. 146). Все версии о пожаловании власти основателю дома Бани Арделан, кем бы то ни было: Чингиз-ханом, Чингизидами или эмиром Тимуром — не более, чем

³ Шараф-хан Бидлиси и все арделанские хронисты, за исключением Мирзы 'Али-Акбара, называют основателя дома Баба Арделаном. В *Хадике-йи Насурийе* звание «Баба» в имени отсутствует.

сказка. Власть всегда завоевывалась, ее не получали в результате благотворительной акции из центра.

На излете двух могущественных династий — впитав военную мощь Хасанвайхидов-горанов и харизму Марванидов, взметнулось высь фамильное древо Арделанов. Они оказались более долговечными и жизнестойкими, чем их великие предшественники. В начале своего исторического пути Арделаны вообще не знали поражений. Под власть курдской династии перешла обширная область, охватывавшая западные районы Иранского Курдистана и северо-восточные районы современного Ирака, или весь Юго-Восточный Курдистан «от Шахризура до Хамадана», как обозначил его Мирза 'Али-Акбар.

На основании *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси и сочинений арделанских хронистов можно наметить условную периодизацию истории Арделанского княжества.

I период — от образования княжества до конца XV в. освещается скудно и главным образом за счет местных преданий и устной традиции. Под властью дома Бани Арделан находился весь Юго-Восточный Курдистан. Лишь усиление Джелаиридов (1370–1506) в XIV в. привело к утрате Арделанами северо-западной части владений, однако в XV в., в правление Мамуна I, северной границей эмирата стала река Большой Заб. Никто из соседей Арделанов не смог, по заключению С.Х. Лонгригга (Longrigg, p. 6), сравниться с их истинно королевским положением.

II период охватывает полтора столетия: с XVI в. по 1657/1658 г. и представляется весьма важным и даже переломным. XVI столетие принесло с собою многовековую борьбу Османской и Иранской империй за обладание Курдистаном. В Арделанском эмирате их борьба наиболее остро проявила в плодородных долинах Шахризура, составлявших существенную часть владений дома Бани Арделан (Ibid., p. 43).

Шахризур был утрачен Арделанами в 1553/1554 г. (*Ахсан ат-таварих*, с. 376; Хусрав ибн Мухаммад, л. 15 а) на три года. Именно так обстояли дела с Шахризуrom, вопреки сведениям Шараф-хана Бидлиси, что после 1561/1562 г. область вошла в «Богом хранимые владения» османского султана (*Шараф-наме*, с. 150). Доказательство, что правы арделанские хронисты, мы находим в книге Искандарбека Туркемана (Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси, II, с. 1086), который именует Хан Ахмад-хана, сына Хало-хана, «правителем Арделана и беглетбегом Шахризура».

Тем не менее, после ирано-турецкого договора 1639 г. реальная власть дома Бани Арделан над Шахризуrom и его районами

закончилась. Арделаны остались правителями по другую сторону Загросского хребта, или в Арделанском Курдистане. В Шахризуре в конце XVII в. утвердились Бабаны, другая курдская династия.

Договору 1639 г. предшествовало правление двух выдающихся арделанских эмиров, Хало-хана (1589/1590—1616) и его сына Хан Ахмад-хана (1616—1636/1637). Их история описана в арделанских хрониках подробно. Имя отца переводится как «орел», и неустрашимый эмир воистину, подобно орлу, вознесся над своими владениями, не признавая власть ни иранского шаха, ни турецкого султана. Шах 'Аббас с помощью ловко придуманной комбинации заменил его сыном, предварительно женив на своей сестре, но, когда преемник шаха 'Аббаса ослепил сына Хан Ахмад-хана, тот поднял смуту на весь Юго-Восточный Курдистан. Умер он в Мосуле, и В. Ф. Минорский относит его смерть к 1636/1637 г., при этом сообщая, что «ответвление ахл-и хакк считает его одним из воплощений Бога (Minorsky¹, p. 93).

Сообщаемая В. Ф. Минорским информация, при скудости сведений об этой конфессии, представляется чрезвычайно важной. Высокое духовное звание, которым адепты конфессии ахл-и хакк, вероятно, наделили основателя династии Бани Арделан; через пять столетий, в XVII в. признание Хан Ахмад-хана воплощением Бога — все это говорит о глубинных связях ахл-и хакк с княжеским домом.

Забегим на пару столетий вперед, в 90-е годы XIX в., когда писалась книга Мирзы 'Али-Акбара. В округе Исфандабад, согласно нашему источнику, жители исповедовали шиизм джа'фаритского *мазхаба*. Очень похоже на то, что это были приверженцы конфессии ахл-и хакк, которые традиционно выдавали себя за шиитов-имамитов. Если вспомнить при этом, что Исфандабад был самым плодородным округом Арделанского Курдистана, что там находились княжеские поместья и управлял им, как правило, наследник княжеского престола (как Азербайджаном — наследник иранского престола), нельзя не заметить, что место пребывания для адептов конспиративной конфессии под крылышком наследника было выбрано неслучайно, и связь у Арделанов с ними существовала. Из них, по видимому, рекрутировались самые преданные сторонники дома, готовые выполнить любое задание.

Все говорит о существовании многовековых связей дома Бани Арделан с ахл-и хакк (горанами) при том, что основная их масса схлынула на юг, в Керманшах. Осталось ответвление самых преданных — тех, которые Арделанов боготворили и ставили во главе своей «семьи», или *таифе*.

В III периоде, с 1657/1658 по 1824/1825 г., ситуация в Арделанском Курдистане изменилась коренным образом. Княжество уменьшилось территориально, отныне оно будет ограничено только областью Арделан, а временами княжеский дом будет даже лишаться власти. Тем не менее, два представителя дома на полстолетия возродили былое величие семьи и обрели статус, который определялся современниками как почти королевский (Хусрав ибн Мухаммад, с. 91). Это были Хусрав-хан и Аманаллах-хан Великие. Хусрав-хан, одержавший победу над тремя претендентами на иранский престол, фактически проложил путь к престолу для основоположника династии Каджаров — Ага Мухаммад-хана.

С концом правления Аманаллах-хана (1824/1825 г.) начинается последний период правления Арделанов. Династия слабеет и в 1867/1868 г. теряет власть окончательно. За тринадцать лет до финала, в декабре 1854 г, в столице княжества городе Сенендедже произошел социальный взрыв, названный местными хронистами «войной в караван-сараях». По социальным сюжетам в источниках так мало информации, что на этой «войне в караван-сараях» необходимо остановиться подробнее.

Декабрь 1854 г. Ничто не предвещало социальных потрясений, город Сенендедж жил своей обычной жизнью. Только что из похода на джафское племя возвратился со своей дружиной князь Аманаллах-хан Второй, которому оставалось править и жить тринадцать лет. Но пока все было спокойно. Князь был доволен результатами похода: джафы казались устрешенными и присмирившими, да и добыча в 30 000 голов скота тоже радовала княжеское сердце.

Почти следом в город прибыл Мирза 'Абд ас-Самад из Хамадана, один из духовных воспреемников Хаджи Мухаммад-Карим-хана Кермани, видного проповедника шиитской богословской школы шейхитов, которую иногда называют шейхитской сектой.

Шейхит Мирза 'Абд ас-Самад, прибывший в Сенендедж в декабре 1854 г., был князем принят, обласкан и даже получил добро на распространение шейхитского вероучения. Как ни старались улемы княжества, которые все были суннитами шафи'итского *мазхаба*, «отвратить помыслы князя от поддержки Мирзы 'Абд ас-Самада», все было бесполезно.

7-декабря началась всеобщая смута. Представители духовенства и ремесленников города отправились совещаться на кладбище Шейхан, и князю единодушно объявили ультиматум. Тот не внял и от ответа уклонился.

Пока шли переговоры, без разрешения улемов, что подчеркивает автор, сборище нищих напало на базар и караван-сарай, где размещались купцы и приезжие шейхиты, сопровождавшие Мирзу 'Абдас-Самада. Начались погромы и убийства.

Ситуацию переломили за неделю. По приказу князя на крышу цитадели, которая нависала над базаром, затащили две пушки. Стреляли из этих пушек или одного их вида оказалось достаточно для устрашения смутьянов, автор не сообщает. По всей видимости, из пушек постреляли, поскольку грабеж прекратился. С узлами купцовского добра повстанцы разбежались. Расправа была короткой и впечатляющей (см. перевод, с. 172).

Во время бурных потасовок на базаре, по наблюдению автора, произошло заметное перераспределение материальных благ: одни при этом стали нищими, другие обрели богатство. Однако самым примечательным представляется другое — позиция, занятая арделанским князем Аманаллах-ханом Вторым в отношении шейхитского проповедника, его безоговорочная поддержка и конфликт с улемами.

Если вспомнить при этом слова наблюдательного К. Дж. Рича, что князья из дома Бани Арделан лишь притворялись шиитами, чтобы угодить иранским шахам (Rich, vol. 1, p. 207), то на основании этой истории можно предположить, что притворства со стороны Арделанов не было. Скорее всего, они исповедовали шиизм, но не в той крайней форме, как «люди истины» — гораны, кельхоры и авроманы. По этой причине, возможно, и выехало большинство горанов и кельхоров в Керманшахскую область. В Арделанском Курдистане (в Сенендедже, Авромане, Жаверуде и Палангане) остались лишь 2000 горанских семей. (*Тарих-и Мардух*, I, с. 108).

Племена горан и кельхор, поселившиеся в Керманшахане, обладали по-прежнему значительным военным потенциалом, принимая активное участие в политической борьбе в регионе, но выступали при этом исключительно в лагере противников дома Бани Арделан. Более того, позицию обоих племен даже отличала готовность присоединиться к любой акции, направленной против Арделанов (Васильева¹, с. 157–159).

Глава 8-я в *Хадике-йи Насирийе* посвящена губернаторам Курдистана. Княжество, которое Мирза 'Али-Акбар обозначал термином *мулк*, стало губернией (*айалатом*), а столица Арделанов Сенендедж из Дар ал-мулка (Обители княжества) превратилась в Дар ал-айалат (Обитель области).

Губернаторами Курдистана назначали преимущественно принцев Каджарской фамилии. Курдистан был приграничной губернией,

по другую сторону границы находилась Турция, которая боролась с Ираном за земли Курдистана с XVI в. По обе стороны границы жили курдские племена, смуты которых следовали одна за другой. В основе их недовольства лежало не столько желание независимости от Тегерана, сколько элементарное стремление к более тесным контактам с родственными племенами за границей. Тесные контакты частей разделенных племен сохранялись всегда, несмотря на все запреты. Шахское правительство, опираясь на администрацию губерний, назначавшуюся из шахских родственников, использовало для усмирения племен регулярные войска.

С курдскими племенами каджарские губернаторы расправлялись безжалостно и беспощадно. Свою 8-ю главу Мирза 'Али-Акбар начинает рассказом о расправе первого губернатора Курдистана принца Фархад-мирзы Му'тамад ад-Дауле с главами племени авроман — *султанами* Авроман-тахта и Авроман-лухуна. Заканчивается глава описанием губернаторства высококочимого автором Хасан-'Али-хана Амир-Низама. Объехавший Европу, проживший там около девяти лет, Амир-Низам при расправе с главой мангурского племени Хамза-агой проявил не меньшее коварство и жестокость, чем первый губернатор Курдистана Фархад-мирза.

Мухаммад Ра'уф Тавакколи (Тавакколи, с. 189. прим. 1) существенно дополняет автора, рассказывая, как проводилась операция по ликвидации Хамза-аги Мангура, который славился своей отвагой. Вождя мангурского племени наказывали за помощь Шейху 'Убайдаллаху во время его военных действий на территории Ирана.

Амир-Низам пригласил Хамза-агу в Соуджбулаг для переговоров и при этом поклялся на Коране, что ему гарантируется безопасность. В качестве поручительства Хамза-аге послали священный Коран, и он не замедлил приехать. По прибытии Хамза-агу и тех, кто его сопровождал, пригласили в шатер, который был немедленно изрешечен пулями. Расправа заняла мгновения.

Практика расправы с главами курдских племен не менялась столетиями. Точно таким образом расправился в XVII в. шах Аббас I с курдским племенем мукри только за то, что оно отказалось участвовать в подавлении восстания Амир-хана Брадоста, известного курдского лидера (см.: *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*, II, с. 812–813).

Большой интерес представляет авторское дополнение, посвященное семнадцати (!) известным курдским семействам Арделанского Курдистана — элите курдского общества. В приведенном перечне не упоминаются губернаторы, члены их семей и ближайшее окружение, следовательно, для Арделанского Курдистана они оставались

за чертой, разделяющей «своих» и «чужих» (Бромлей, с. 33), оставались «не-курдистанцами» (غیر محلی کردستان), как называет их автор (Тавакколи, с. 141).

Интересны все семейства и все названные персонажи. Первым назван дом Бани Арделан. В 1891/1892 г. минуло 24 года после «ухода» Арделанов из власти. Однако для социально-политического климата Курдистана характерна совершенно уникальная особенность. Если в некоторых обществах на поверженные или обрушившиеся структуры власти сваливается вина за все свершенные и даже не свершенные ошибки и провалы, то в стране курдов такие фамилии, как Арделаны, после ухода с политической арены сохраняли свой политический потенциал не исчерпанным. В благоприятной ситуации этот потенциал мог снова обрести реализацию. Для претендента на власть принадлежность к такой фамилии составляла самый убедительный аргумент.

По этой причине властные структуры Ирана не доверяли членам дома Бани Арделан, держали их под неусыпным контролем и наблюдением. Особые опасения вызывал, по-видимому, упоминавшийся выше 'Али-Акбар-хан Шараф ал-Мулк, тезка и друг автора *Хадике-йи Насирийе*. Во время написания хроники ему было 58 лет. Внук самого Аманаллах-хана Великого, при одном упоминании имени которого трепетала вся область (Rich, I, p. 243), Шараф ал-Мулк был, по словам автора, «чрезвычайно богат, могуществен, отважен и храбр», а также «достиг совершенства в красноречии». При своем богатстве и могуществе Шараф ал-Мулк считал, что имеет право на власть в Курдистане — как полагал автор, «мнил себя суверенным правителем» (Перевод, с. 202). Когда запыхало в Иране восстание Шейха 'Убайдаллаха, Насир ад-дин-шах немедленно призвал Шараф ал-Мулка и приказал выдать ему грамоту на управление Курдистаном, услышав его заверения, что он сможет подавить смуту. Грамоту не выдали — побоялись, как бы два курдских лидера не объединились. Шараф ал-Мулк не внушал шахскому окружению доверия, он «сам по себе возбуждал слишком большую смуту» (Мирза Риза-‘Али Диван-беги, с. 103).

Имя 'Али-Акбар-хана Шараф ал-Мулка удалось обнаружить в послесловии Насира Азадпура, издателя хроники Мах Шарафханум Курдистани (*Тарих-и Арделан*, с. 224). В начале I мировой войны в Керманшахе на Шараф ал-Мулка было совершено покушение (букв. «теракт»), и он был убит. За него отомстил последний представитель дома Бани Арделан, дерзнувший вступить в борьбу за власть в Арделанском Курдистане. При поддержке русских

Введение

войск 'Аббас-хан Арделан, или Сардар-и Рашид — имя, под которым он получил известность, — утвердился на троне правления в Сенендедже, затем завладел Керманшахом и казнил А'зам ад-Дауле Зенгене, виновного в смерти 'Али-Акбар-хана Шараф ал-Мулка, внука Аманаллах-хана Великого.

В 1923/1924 г. Риза-шах Пехлеви усмирил восставший Арделан и сместил отважного полководца^а-сардара с помощью его бывших союзников и единомышленников. Подчинение Арделанского Курдистана иранской администрации не сломило курдов. Такой народ, как курды, подчинить и сломить невозможно.

* * *

Книги арделанских историографов, и *Хадике-йи Насирийе* в том числе, принадлежат к достаточно редкому и самобытному жанру исторической литературы — локально-династийным хроникам и, по мнению исследователя мусульманской историографии Ф. Розенталя (Rosenthal, p. 57), представляют большой интерес.

Среди арделанских локально-династийных хроник *Хадике-йи Насирийе* занимает особое место, эта хроника уникальна. В этом сочинении помимо местной истории описана хозяйственная жизнь области и ее географические условия, реальная среда обитания и хозяйствования.

Источники по локальной истории областей и городов Ирана И. П. Петрушевский ценил особенно высоко. Выявление и публикацию каждого нового памятника он считал крупным событием в области иранистики, Наличием рукописи *Хадике-йи Насирийе* в нашем рукописном фонде мы обязаны выдающемуся отечественному иранисту и курдоведу В. Ф. Минорскому, публикация памятника — заслуга иранского ученого Мухаммада Ра'уфа Тавакколи.

При подготовке данной работы большую помощь исполнителю оказали Абдаллах Мардух (Париж), а также О. Ф. Акимущкин, А. И. Колесников, Б. В. Норик, А. А. Хисматулин, С. Р. Туркин и другие сотрудники Сектора Среднего Востока Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН.

^аТак переводится прозвище 'Аббас-хана — Сардар-и Рашид.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Автор хроники	6
О сочинении.....	17
Вступление автора.....	37
Глава 1. Страна Мидия	40
Глава 2. Сенендедж	44
Глава 3. Округа-болуки Курдистана	55
Бане	55
Саккыз	59
Исфандабад	60
Карафту	61
Тилаку	62
Хорхоре	63
Мариван	64
Авроман-тахт	66
Авроман-лухун	68
Джаванруд	69
Эйлак	72
Калат-Арзан	73
Корраваз	74
Жаваруд	74
Хобату, Сарал и Кара-Тавара	75
Амирабад, Паланган, Билавар	76
Хасанабад	77
Хусайнабад	78
Глава 4. Реки Курдистана	79
Река Шахр-и Сенендедж	80
Река Гаверуд	81
Река Паланган	81
Река Гаран	82
Река Суркауль	82
Река Мариван.....	83
Река Залан	84
Река Бане	85
Река Джагату.....	85
Река Саккыз	86
Река Хорхоре	86
Река Кызыл-узун	87
Река Кавла	88
Река Тарвал	88
Река Хаджи-ча (й)	88
Река Равансар	89
Река Зеринджиб-у-Ширване	89

Указатель названий сочинений

Глава 5. Горы Курдистана	90
Гора Шахо	90
Косалан.....	93
Нака-роз	93
Хусрав-хан.....	93
Абдалан.....	93
Пир Рустам.....	94
Гора Султан Сирадж ад-дин	94
Авидар.....	94
Арбаба.....	95
Корра-йи Мийане	95
Чехель-чешме.....	96
Шайда.....	96
Чйа Чермук	97
Султан Шишери	97
Гаран	97
Хан	98
Мейхамейн	98
Глава 6. Племена Курдистана	99
Описание племен Курдистана и изъяснение их численности и [вынлачиваемых] налогов	99
Глава 7. Описание происхождения Арделана, основателя дома правителей Курдистана и их власти	102
Описание правления в Курдистанах Калул-хана, родного сына Арделана	103
Описание правления сына Калула — Хизра во владениях отца и деда ..	104
Описание правления Илйаса, сына Хизра, в Курдистанах	104
Описание правления в Курдистанах Хизра, который известен как Хизр Второй.....	104
Описание правления Хасана, сына Хизра Второго, в областях Курдистана	105
Описание дней правления Баблула, сына Хасана, в Курдистанах	106
Описание правления Мунзира, сына Баблула, в Курдистане	106
Описание правления Ма'мун-бека, сына Мунзир-бека ..	107
Описание правления Ма'мун-бека Второго в Курдистане	108
Описание правления Сурхаб-бека в Курдистанах	109
Описание правления Басат-бека, сына Сурхаб бека, во владениях отца	112
Описание правления в Курдистане Тимур-хана, сына Султан 'Али-бека, вместо дяди	112
Описание правления Хало-хана, брата Тимур-хана и подчинение его шаху 'Аббасу.....	114
Описание правления Хан Ахмад-хана, сына Хало-хана, в Курдистане и его побед в Багдаде	116
Упоминание о правлении в Курдистане Сулайман-хана и основание его стараниями города Сенендеджа	119

Указатель названий сочинений

Описание правления в вилайете Курдистана Калб-‘Али-хана, сына Сулайман-хана	122
Описание правления в Курдистане Хан Ахмад-хана, сына Калб ‘Али-хана	123
Правление в Курдистане Хусрав-хана, сына Сулайман-хана	124
Правление в Курдистане Тимур-хана Аджарлу’и 119, который к роду Бани Арделан не принадлежит	124
Рассказ о правлении в Курдистане Мухаммад-хана, сына Хусрав-хана ...	126
Правление в Курдистане Мухаммад-хана Гурджи, который к роду Бани Арделан не принадлежит	127
Описание правления в Курдистане Хасан-‘Али-хана, сына Мухаммад-Му’мин-хана И’тимад ад-Дауле, который к роду Бани Арделан не принадлежит	127
Упоминание правления в Курдистане Хусайн-‘Али-хана, второго сына Мухаммад-Му’мин-хана И’тимад ад-Дауле	128
Описание управления Кай-Хусрав-бека, военного охранника шаха Султан Хусайна, который к роду Бани Арделан не принадлежит	128
Рассказ о правлении ‘Аббас-Кули-хана, внука Хан Ахмад-хана Бани Арделана, в Курдистане	129
Рассказ о правлении ‘Али-Кули-хана, который принадлежит к внукам Калб-‘Али-хана Бани Арделана	130
Правление в Курдистане Хане-паши Бабана и исход его дел	132
Описание правления в Курдистане Субхан-Вирди-хана из рода Арделана	133
Описание правления в Курдистанах сына Субхан-Вирди-хана — Ахмад-хана и обращение его за покровительством к Османской державе	135
Описание правления в Курдистане Хасан-‘Али-хана Бани Арделана и предпринятые им деяния	138
Рассказ о правлении в Курдистанах Хусрав-хана Великого, [одержанные] им победы и миродержавие	140
Описание правления Лutf-‘Али-хана, дяди Хусрав-хана Великого ...	150
Описание правления Хасан-‘Али-хана, сына Lutf-‘Али-хана, в Курдистане	151
Описание правления в Курдистане Аманаллах-хана, известного как Аманаллах-хан Великий, и его начинаний	152
Описание правления сына Аманаллах-хана Великого — Хусрав-хана, получившего известность как Накам	157
Описание правления сына Хусрав-хана Накама — Риза-Кули-хана Вали и дней его жизни	158
Описание правления сына Хусрав-хана Накама — Аманаллах-хана, известного [под именем] Гулам-шах-хан	161
Описание правления в Курдистане Хусрав-хана Гурджи и дней его власти	165
Рассказ о правлении в Курдистане Риза-Кули-хана Вали, сына Хусрав-хана Накама, в четвертый раз	166

Указатель названий сочинений

Описание правления в Курдистане во второй раз Аманаллах-хана Второго, , известного [под именем] Гулам-шах-хан	167
Глава 8. Правители, которые [не были] курдистанцами	180
Описание правления в Курдистане царевича Хаджжи Фархад-мирзы Му'тамад ад-Дауле	180
Описание правления в Курдистане царевича Тахмасб-мирзы Му'айад ад-Дауле	196
О правлении в Керманшахе и Курдистане царевича Имам-Кули-мирзы 'Имад ад-Дауле	197
Рассказ о правлении в Курдистане Гулам-Риза-хана Шихаб ал-Мулка, сына Хусайн-хана Низам ад-Дауле	199
Описание правления шахзаде Султан Мурад-мирзы Хусам ас-Салтане — да будет земля ему пухом!	201
О правлении Махмуд-хана Насир ал-Мулка и о передаче управления [делами] Мирзе Йусуфу Мушири-дивану	210
Описание наместничества Мирзы Мухаммад-хана Икбал ал-Мулка, сына Мирзы Баба-йи Хакима , по поручению царевича Зилл ас-Султана	212
О наместничестве Ибрахим-мирзы Ихтишам ас-Салтане, [назначенного] царевичем Зилл ас-Султаном	214
О наместничестве Мирзы Мухаммад-хана Икбал ал-Мулка, сына Мирзы Баба-йи Хакима, во второй раз назначенного его высочеством Зилл ас-Султаном	216
Описание правления Мухаммад-Хусайн-хана Хусам ал-Мулка <i>амир-и тумана</i> Карагёзлу Хамадани	219
Описание правления Мирзы Мухаммад-Ибрахим-хана Низам ад-Дауле Нури <i>амир-и тумана</i> в Курдистане	221
Описание правления Мирзы Мухаммад-хана Икбал ал-Мулка, сына Мирзы Баба-йи <i>хаким-баши</i> в Курдистане.....	223
Описание родословной Хасан-‘Али-хана Амир-Низама и услуг, [им оказанных] Иранской державе	224
Глава 9. Приложения к книге	243
Приложения	243
Семья вали Курдистана, или потомки правителей [из дома Бани] Арделан	244
Семья везиров	247
Семейство <i>вакилей</i>	251
Семья Мавали	252
Семейство шейхов	256
Семейство Садат	259
Семья Калб-‘Али-бека	260
Семья Мирзы Шафи’и	260
Семья Хаджжи Мухаммад-аки	261
Семья Камангяр	261
Семья Бараз	262
Семейство Тус-Нузар	263

Указатель названий сочинений

Семья Кадири	263
Семья шейхов Кани-Машкана	266
Примечания	268
Список использованных источников и литературы, на которые имеются ссылки	308
Список сокращений	308
Источники.....	308
Литература.....	311
Указатель имен собственных и династий	314
Указатель географических и топографических названий	333
Указатель этнонимов	344
Указатель конфессионимов.....	347
Указатель терминов и непереведенных слов	349
Указатель названий сочинений.....	351